ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ – ЭПОХА

Выпуск 3

Социокультурные аспекты освоения Сибири

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

Е.В. Иванцова

ТОПОНИМИЯ РУССКОГО СТАРОЖИЛА СИБИРИ: ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА*

Антропоцентрическая парадигма языкознания, выдвинувшая на первый план научных изысканий проблему исследования языка в его связи с человеком, ставит перед лингвистами глобальные задачи изучения реальных носителей языка во всем многообразии их типов – от представителей элитарной речевой культуры до рядовых говорящих. Представляется, что особое внимание при этом должно быть уделено носителям местных говоров, поскольку именно диалектная языковая личность является первоосновой русской национальной личности[1].

Учеными Томской лингвистической школы феномен языковой личности диалектоносителя изучается уже на протяжении четверти века. Отличительной особенностью предпринятого ими масштабного проекта является анализ данного социолингвистического типа через идиолект конкретного представителя традиционного сибирского старожильческого говора. Объектом наблюдения послужила речь В.П. Вершининой (1909–2004) – русской, малограмотной, всю жизнь прожившей в с. Вершинино Томского района Томской области (33 км от областного центра). Текстовый архив, отражающий дискурс информанта, сформирован в процессе включенного наблюдения над языковым существованием информанта в 1981–2004 гг. и насчитывает свыше 10 тыс. страниц. Ком-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-04-64403 а/Т.

[1] См.: *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие. М., 2001. С. 77.

плексное исследование речи сибирского старожила включает его отражение в системе разноаспектных словарей, выявление особенностей строения текста, метаязыкового сознания, системы концептов, характера лексикона, грамматикона, а также реконструкцию языковой картины мира[1].

Как показывают предварительные наблюдения, ономастикон индивида дает важные сведения для выявления специфики типа языковой личности говорящего в целом и особенностей его мировидения в частности. В данной работе топонимия диалектной языковой личности рассматривается как источник изучения пространственных представлений носителя народной речевой культуры.

1. Социализация индивида как условие развития языковой личности предполагает усвоение человеком определённой системы знаний и представлений об окружающей его действительности, в том числе – знаний и представлений о географических объектах. У диалектоносителя при отсутствии формирующего научные взгляды образования они складываются стихийно и отражаются в наивной картине мира.

Топонимия индивида формируется на базе узуальной топонимической системы, вбирая в процессе развития языковой личности актуальные для данного индивида элементы из ее различных подсистем.

Первичной базой формирования лексикона является исконная для субъекта форма существования национального языка.

Часть топонимов усваивается носителем традиционного старожильческого говора в процессе овладения родным диалектом. Объекты номинации в данном случае известны диалектоносителю из личного опыта. Большинство местных топонимов знакомо информанту с детства: *Всё бегали… бегали к Сухой речке [в Троицу], туды́, де ко́нплекс – веночки вили да… В реку пускали. Если утонет, дак умрёшь; И собирались все. Мы в Горёвке на своей, а там Садо́ва там где, около дома, как уж приют какой-то был, а-а… там. На горке, там собир**а**лись, а в тем краю т**о**же; Там березни́к был на Ела́ни на Ла́ринской. Бере́знику дополна́ было, ой! дополна́. А он большой… сена там только один стог ставили, однако, два ли…*

[1] См. обзоры: *Иванцова Е.В.* Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Филология. 2006. № 291. С. 5–11; *Томская* диалектологическая школа: Историографический очерк. Томск, 2006. С. 157–164.

сеять мало сеяли там, а это, бере́знику много было. А тут паи были на Ни́жном – хоро-оши, ой! таки́ травы ра́зны (из воспоминаний о молодости и времени единоличного хозяйствования). В более поздний период жизни информанта эта группа пополняется отдельными официальными и неофициальными наименованиями новых улиц и частей села, которые так и не переходят в активное употребление.

На протяжении всей жизни лексикон личности обогащался единицами иных топонимических подсистем: урбанонимами Томска, географическими наименованиями населённых пунктов Среднего Приобья, России и других стран. Большинство их являются общерусскими, отдельные топонимы (прежде всего в томской топонимике) типичны для городского просторечия.

Состав топонимов идиолексикона расширяется за счет нескольких источников:

а) обогащения личного опыта индивида. Ряд топонимов пополнил лексикон диалектоносителя в процессе освоения некоторой области жизненного пространства: поездок в Томск, Северск («Пятый почтовый») и соседние села в гости к родственникам, на базар, в больницу и т.п.: *Ну, а потом мы проводили своих-то [на фронт], были в райенкома'те, здесь Набережная Уша́йки, а потом нас отправили всех, мы пошли вместе, на Пе'рву… на Втору' То'мска. Мы пришли, а Елена [сестра] на Втору́ Томске жила; Ну хоро́ша квартира, я была у их, на Пятом-то; «Ты была в Ло́скутовой в больнице?» Я грю: «Неужели нет, была. Сколько раз была»; Смокотнино́й не стало чё-то. Хоро́ши дома́ были, двухэта́жны там были – я помню, раза два-три там бува́ла. В Смокотнино́й. На свадьбе гуляла ездила там, ешо чё-то я была, на переезды ездили. Она за рекой. Недалёко; У нас был пай у тя́ти – больше бере́знику было, это, а косить сено мало. Дак он покупал в Ла́риной. Косили мы там. Лога-**а**-лога, помню, косили всё. И там ночевала в Ла́риной ездили, там-ка мы ночуем. Косили всегда;*

б) сведений, полученных от собеседников. Общаясь с широким кругом родственников, односельчан, городских знакомых, зная в деталях их биографии, имея представление о месте рождения и постоянного проживания, поездках и переездах в связи с семейными обстоятельствами, военной службой и т.д., исследуемая языковая личность усвоила большой объём информации с топонимической составляющей. В этом случае говорящим через посредство чужой

речи осваивается личный опыт партнеров коммуникации: *У нас мальчик, мнук, уехал на Чёрно море, туды́. Ну, он по болезни; Она вышла взамуж, в Стрежево́м работала, та́мо-ка на вахте, и сошлась с одним; А он много наловил [рыбы], ездил в Белый Яр; Переводилась [племянница], Арзамас город, а он закрытый был; Куды́-то его далёко отправили [в армию]. На Сахалин куды́-то, ага; У ей сын сидит. Де-то в Красноя́рским они были – ну, у их кака́-то там шайка была; Здесь отец у его утонул, у Васи, на днях. В Зыря́нке он жил; Она [двоюродная сестра) Приморский край там, в Уссурийске, близко [живёт]…; А наш [о племяннике] как был в этой, в Черно́пыле, и он тоже как ветеран тепе́рича, ему удостоверение выдали, и всё…;*

в) сведений из средств массовой информации – радио и газет. При этом так же, как и в предыдущем случае, представление об объектах топонимической номинации получено субъектом только из чужой речи, однако речь эта официальная – публицистическая или рекламная: *Но́нче передавали, врач какой-то... Он это, и в Америке был, и у его там друг хороший в Америке, он ездит – он живёт в Москве; А сёдня передавали в Новосибирске дож или град; А передавали по радио, в Коже́вниковой рожь ши́бко хоро́ша, траву, это, заливало, это одно место там, луга – заливало водой; А счас передают! Даже сёдня передавали, по две́ с половиной тысячи де-то [продают масло]. Улица Луговая. Где она? Луговая улица, я тоже не знаю, где она;*

г) в редких случаях топонимы закрепляются в индивидуальном ономастиконе через посредство прецедентных текстов. Наименование *Ирусали́м / Русали́м* функционирует в дискурсе информанта только в составе молитвы, выученной со слов матери: *Ма́ти Маре́я, де спала ночевала? В городе Ирусали́ме, во по́льческой церькви, в алтаре на престоле…*

Крупные исторические и политические события, получающие широкий резонанс и в общественном сознании, и в СМИ, отражаются на частной жизни рядовых членов общества, поэтому многие топонимические единицы усваиваются языковой личностью на пересечении разных информационных каналов. Так, две войны с Германий, пережитые Россией в XX в., оставили след и в личной судьбе В.П. Вершининой, ее родственников и односельчан: отец участвовал в Первой мировой войне, а муж – в Великой Отечественной, погибли на фронте многие близкие ей люди; в ликвидации

чернобыльской катастрофы принимал участие племянник, процессы миграции на постсоветском пространстве затронули Вершинино, в котором появились переселенцы из Казахстана, Чечни, Украины и Китая; в зону боевых действий в Чеченской Республике отправляют призывников и т.д.: *А парень говорит: «Двадцать семь миллионов погибло – от Москвы до Берлина в четыре ряда только накла́сь надо было, гыт, так»; Наши-то ислободи́ли Ге́рманию-то, его взяли там уж, он после довоёвывал; А этот, Петю́ров – слыхал ты тоже? Поехали они туды́. Хотели его попроведовать. А его отправили, они его не захватили. Галя, гыт, ши́бко плакала. В Чечню отправили; А это Лида, вот туды́ с Мотей в ряд живёт, туды́ дом-то на' берег туда. [Она местная?] Не-ет. Из Семипалатинска.* Таким образом, большинство топонимов, освоенных языковой личностью, также входят в личную зону говорящего, связанную с условиями его жизни, интересами и чувствами.

2. Сформировавшаяся топонимическая подсистема в лексиконе сибирского старожила включает около 200 единиц. В ней отмечены географические наименования разных типов.

Среди названий макрообъектов – названия стран: *Россия / Росе́я, Советский Союз, Америка, Германия, Ирак, Китай, Армения, Казахстан, Литва, Укра́йна / Украина* (10)[1]. Имена менее крупных объектов (12) отражают территориальное деление в пределах нашей страны: *Бурятия, Восток* «Дальний Восток», *Кемеровская область, Красноярский край, Подмосковье, Приморский край, Сахалин, Сибирь, Томская область, Чечня, Чукотка, Южный Сахалин.*

Далее на «индивидуальной карте» диалектоносителя широко представлены города (36). Единичны названия столиц иностранных государств *(Берлин, Ирусали́м / Русалим)*, немногочисленны наименования городов некоторых союзных республик СССР: *Андижан* (Узбекистан), *Жинто́мир* и *Черно́быль* / *Чернобыль* (Украина), *Караганда, Павлодар* и *Семипалатинск* (Казахстан). В большинстве же своем это города Российской Федерации: *Москва, Абакан, Арзама́з, Барнаул, Владивосток, Горький, Грозный, Заго́рска, Красноярск / Красноя́рска, Ленинград, Новосибирск / Новосиби́рска, Сочи, Улан-Удэ, Уссурийск / Уссури́йска.* Отметим, что самую значительную группу из них составляют названия городов Томской и Кемеровской областей: *Томск, А́сина / Асино, Почто́вый / Пя́то*

[1] В скобках здесь и далее указано количество наименований без учета вариантных единиц, объединенных знаком.

почто́вый / Пя́тый почто́вый / Пя́тый (неофициальное обозначение закрытого города вблизи Томска), *Северск, Стрежево́е / Стрежевой, Ке́мерова / Кемерово, Бело́ва / Белово, Ленинск-Кузне́цка, Новокузнецк / Новокузне́цка, Прокопьевск, Тайга, Юрга́.*

Более дробное административное деление на районы (4) отражено в речи информанта только по отношению к тем же областям: *Асиновский, Кожевниковский* и *Молчановский* районы Томской обл., *Яшкинский* район Кемеровской обл.

Самым обширным классом (56) в лексиконе диалектоносителя являются наименования мелких населённых пунктов: сёл, деревень, поселков. Все они расположены в регионе средней части бассейна р. Оби, на территории Томской и граничащей с ней Кемеровской области: *Ала́ева, Бара́бинка / Бра́бинка, Басандайка, Бату́рина / Батурино, Белый Яр, Бобро́вка, Богашо́ва, Варю́хина, Верши́нина, Гео́ргевка, Зава́рзина, Зеледе́ева, Зона́льная*, *Зыря́нка, Ипа́това, Каза́нка, Калта́й, Канди́нка, Каргасо́к, Ки́словка, Ключи́, Кожев́никова, Кола́рова / Коларово, Косого́рова / Косогорово, Курле́к, Ла́рина, Ло́скутова, Луча́нова / Лучаново, Мага́даева / Магадае́во, Молодёжный, Надежда, Нары́м, Наумовка, Николаевка, Октябрьский, Откара́* «Иткара», *Пашко́ва, Первома́йка / Первомайское, Петровка, Петухо́ва / Петухово, Рассвет, Ры́балово, Светлый*, *Семилужки́, Синий Утёс*, *Смокотнина́, Сосновка / Усть-Сосновка / У́стье, Софро́новка, Су́йга, Сура́нова, Тёлга, Тимиря́зева, Фегульде́т / Фекульте́т* «Тегульдет?», *Чёрная речка, Яр / Ярско́е, Яшкино.*

Названия районов и улиц внутри населенных пунктов отмечены только для двух объектов – Томска и Вершинина.

Томская топонимии в речи информанта представлена наименованиями частей города (17), многие из которых являются неофициальными: *Академгородок, Бакти́н, Втора́ То́мска, Держи́нка / Дзержи́нка, За Истоком, Каменный мост, Каштак, Красные казармы, Линия, Ниверсите́тская роща, Пе́рво Томск / Первый Томск, Псих / Пси́ха, Свечной, Степановка, Черемо́шники, Ша́рики, Южная,* улиц, переулков и площадей (38): переулки *Банный, Путевой,* улицы *Алтайская, Батенко́ва / Батенко́вска, Белинская, Бе́ленцева, Верши́нина, Иркутский тракт, Каменная / Ка́менская, Комсомольская, Красноармейская, Кулагина, Лазо, Лебедева, Ленина, Луговая, Мокрушина, Набережная Уша́йки / Уша́йка, Нахи́мова, Ники́тина, Новосибирская, Обруб, Октябрьска(я), Олега*

Кошевого, Опекле́нко «Осипенко», Пирогова, Пушкина, Рабоча(я), Сибирска(я), Советска(я), Татарская, Тверская, Усова, Учебная, Фрунзе, Черны́х, Яковлева, площадь *Революции*.

В Вершинине зафиксированы неофициальные названия частей села (4) *Горёвка, Горка / На Горке, Татарский край / Татары, Чебоксары* и отдельные наименования улиц (3) – *Садова(я), Советская* и *Победа.*

Кроме того, в лексиконе информанта есть группа топонимов, обозначающих участки рельефа в окрестностях села (13). Наименования эти имеют, как правило, места, значимые в сельскохозяйственном отношении – возвышенные и низменные, отличающиеся наличием или отсутствием растительности на самом участке или вблизи него, находящиеся вблизи от лесных массивов, водных источников; все оронимы – неофициальные: *По́д бором, Грязну́шки, Ела́нь, на Ко́бысовой, на Кузнецо́вой / Кузнецо́во, Култы́к, На лугу, На Ни́жном, Перели́в / Перели́вы, На Сере́днем, Страшно́, Татарский ко́лок, За Чи́стым.* Примыкают к ним немногочисленные названия холмов (4) *(Шуми́ха, Ела́нная гора, Басанда́йска гора, Кола́ровска гора)* и островов (3) *(Кола́ровский остров, Казанский остров, Вершининский остров)*.

Большую группу единиц представляют гидронимы (18). Среди них – единственное название моря (*Чёрное море*), из крупных рек отмечена лишь *Обь* и впадающая в неё *Томь*, на которой стоит Вершинино; многочисленны наименования проток, рукавов, заливов и притоков Томи в окрестностях села (*Панько́ва, Светлая, Криу́лька / Криву́лька, Сухая речка, Капита́новка, Тугоя́ковка*), озёр (*Парме́ново озеро*, *Мочи́ще, Поло́е, Луговое*) и болот (*Мохово́е болото, Клю́квенное болото, Пова́рнишное болото, Торкма́ / Торкми́шно болото*). В дискурсе диалектоносителя встретились также отдельные томские гидронимы (3): *Белое озеро,* речки *Киргизка* и *Уша́йка,* непроточное ответвление Томи вблизи города *Сенна́(я) курья́.*

Как нетрудно заметить, наиболее многочисленны в идиолексиконе классы ойконимов, урбанонимов, оронимов и гидронимов. Соотношение различных групп географических наименований демонстрирует закономерное для диалектной языковой личности: преобладание названий деревень над названиями городов, наличие широкого круга микротопонимов и неофициальных обозначений.

Индивидуальная «географическая карта» отражает разную степень расчлененности пространства в языковой картине мира говорящего. В соответствии с принципом эгоцентрической организации последней центром такой карты является место проживания индивида. Членение пространства, отраженное в топонимии диалектоносителя, можно схематично представить в виде ряда концентрических кругов. «Ближние» круги (в данном случае – Вершинино, Томск, территория Томской и Кемеровской обл.) насыщены топонимами. Периферийная часть карты, к которой относятся другие регионы России, а также страны ближнего и дальнего зарубежья, отражена фрагментарно, со множеством лакун: отсутствуют наименования многих крупных российских городов и территориальных единиц, зафиксированы лишь единичные названия государств, причем Европа представлена, например, только *Германией,* Восток – *Китаем* и *Ираком*, а бывшие союзные республики СССР – *Украиной, Литвой, Казахстаном* и *Арменией.*

3. Топонимия зоны освоенного пространства отличается целым рядом особенностей.

а) Наиболее типичный для диалектоносителя способ членения пространства освоенной зоны – деление его на компактные участки. Этот способ представлен как в географических названиях территорий, примыкающих к селу, так и при маркировании территории внутри населенных пунктов.

С организацией колхозного хозяйства и исчезновением системы единоличных паёв, на которые делились угодья вершининской общины, топонимы *На Ко́бысовой, На Кузнецо́вой, На лугу, На Сере́днем, На Ни́жном, На Я́рской Ела́ни, По́д бором, Страшно́, Татарский ко́лок, За Чи́стым* устарели; в то же время наименования *Грязну́шки, Ела́нь, Култы́к, Перели́в / Перели́вы, Страшно́, За Чи́стым* сохраняются в непринужденной речи.

Вершинино, по свидетельствам старожилов, в прошлом состояло из не имевшей общего названия главной улицы, делившейся на отдельные части *(Горёвка, Горка / На Горке и Татарский край / Татары*), и небольшой параллельной ей улочки *Садовой,* соединённых безымянным переулком. Ныне эти наименования архаизировались. Существенно разросшееся в последние десятилетия село сменило традиционную неофициальную топонимию на новую, аналогичную городской: центральная улица получила название Советской, вторая стала называться улицей Победы, появились пере-

улки Лесной, Новый и др. Но пришедшие на смену старым топонимы не вошли в активное употребление диалектоносителя. Произошла их замена на иные виды обозначений, в которых сохраняется старый принцип деления села на участки. Дома, расположенные вблизи от места проживания информанта, именуются *наш край (Чё-то по́моха на наш край; Наша Горёвка была, наш вот этот край, Горёвка. До горки*); для обозначения отдаленного от него отрезка главной улицы используется словосочетание *в тем / том краю (Комар-то? Далёко, в том краю [живёт]; Ему дом оставила. Хорошенькый домик, в тем краю, и счас живой он; Там Никулины, в тем краю живут – ну де Татьяна Лексе́вна, за ими туды́ ешо́);* зона новых построек маркируется выражением *де монолитны дома, в монолитных домах* (*А больница у нас далёко, на той истано́вке там, в монолитных домах-то; Ну а эти живут, как сын-то Надежды – по этой улице. Де монолитны дома, ну, суды́);* в метатексте также отмечено название новой части села *Чебоксары.* Наименования улиц Вершинина в непринужденной речи почти не используются: топоним *Советская* упоминается только при необходимости указания полного официального адреса (*А она, у их газета выписана, а у их Со… это, ну, Сове́тска, как это… сорок, а она сорок шесь. Лёньке кладёт газеты и́хны; Ну а мы прописали: сорок, Сове́тска, сорок. Козлова Валентина Николавна, она прописала, паспорт, чем полученный, каким райво́ном полученный паспорт, кем выдан*); зафиксировано также несколько словоупотреблений топонима *Победа* «улица Победы» *(Пожар был, деревня горела в двадцать третьем году, этот Василий Иванович сгорел, та́к обгорел. После его увидали там, обгорел. Победа горела, а он всё там жил, на той улице. И он сгорел; А это… Вот эта Рая-то, она живёт на той улице счас, на Победе).* При упоминании переулков их названия не употребляются совсем: *Вот они жили тут от где Иван Иванович, как в переулок-то свёртывашь, и́хный дом; Я… кода́ я шла, от Гути по этой… заулку-то этому, переулку-то, а тут машина стояла; Дом на переулочке-то; Я поехала этим переулочком, где сельсовет; Лида-то пришла, Гончарова-то, за Мотей-то, в переулке-то живёт.*

Пространственная ориентация в Томске так же, как и в Вершинино, связана у информанта прежде всего с привычной для неё системой членения населенного пункта на отдельные участки. Наименования многих из них являются неофициальными: *А тут, все…*

все суды́, на большой [базар] попась трудно, а тут на автобусе приедут – раз! на Пе́рво То́мским счас, ли на Южной ли, на Держи́нке… ну тут дополна́; Близко тут, с АРЗом да с Линией рядом; Трёхко́мнатну получили, на Пси́хе. И вот она щас на Пси́хе живёт, девятиэтажка; Он на Каштаке́ живёт-то; В городе они живут. Я не знаю, де они живут. А гараж у их за этой… ну, там… За Исто́ком де-то. Вместе с тем исследуемой языковой личностью освоены и официальные названия городских улиц: *Батенко́ва* «Ба́тенькова», *Усова, Ленина, Новосибирска(я), Мокру́шина* и др., хотя это освоение зачастую носит неполный характер, а в дискурсе диалектоносителя они менее употребительны, чем наименования районов.

б) Высокая степень обобщенности территориального деления у носителя народной речевой культуры уравновешивается конкретностью его мировосприятия. Топоним нередко заменяется в тексте описанием, в котором ориентировочные функции берут на себя антропонимы, наречия с пространственным значением и нарицательные наименования объектов. Освоенное пространство предстает в сознании и в речи диалектной языковой личности как насыщенный деталями, зримый образ действительности: *А рядом с Физой Васильевной живут, суды́ поближе как переулок, один дом – в магазин идёшь, один дом, а второй они жили; Они пе́рво купили… жили здесь – как от от ид[ёшь]… Ну, сворачивать де в переулок, де Лекса́ндра Степа́нна-то. Де… Ну, в магазин свёртывать, а на переулке, Они в э́тем домике жили, низенькый такой домик…; Я говорю: «К Елене заедемте, к Тане? Они же по путе́ живут». Та на Новосибирской, а Таня живёт… как бы тебе сказать? <…> Иркутский тракт там это… Ну, там. Ну и, мале́нько в сторону. Ну и… пешком-то хорошо потти́, тут магазинчик ешо́ даже есь, и как остановка, так туды́ мале́нько; Она живёт близко: вот как… де старый уерма́г-то был, дак не доходя мале́нечко, и тут в переулочек, она тут живёт*; *А Коля Мотин, – ну, он это, живёт от где… у Каменного мо́сту, де транва́й останавливатся, и так, как отсэ́дова бы идёт транва́й, то на ле́ву… на пра́ву руку, а оттэ́ова, если из го́роду идёт транва́й, то на ле́ву руку. Таки́ голубы́ ставни. Я дом видела, ну я так не бува́ла у него. А дом-то знаю какой.*

в) Главные объекты зоны освоенного пространства воспринимаются как единичные, противопоставляемые всем остальным.

В силу этого обстоятельства официально существующий топоним в речи часто не упоминается, подразумеваясь по умолчанию. Так, вместо названия областного центра, куда чаще всего ездят в связи с покупкой или продажей чего-л., оформлением документов, посещением родственников и т.д., обычно используется нарицательное *город*: *А я была в городе, картóшки продавала; У ей тут внучата, дочка в городе, зять; В город тяжело ехать, автобусы счас не ходят; Анатолий не наладил машину-то? Меня бы свозил в город; Ну, чё в городе новенького?; Живёт-то в городе, а прописанный здесь; А я всё думаю: поехал бы в город, купил бы чё-нибудь так, чё надо бы – ну кого купишь?; Я говорю: «Зоя, ты не видала, кто тут шёл?» – сразу-то. Она: «А я в городе была». Ну и всё, «ничё не знаю»* (во всех случаях имеется в виду Томск). Подобное употребление регулярно и намного превосходит по частоте использование существительного «город» для обозначения крупного населённого пункта вообще: *Забыла, какой город, на букву «дэ» это там, в Германии-то; В городе бойкий народ; Неохота Гале там жить, в городе. Охота в деревне* (в картотеке «Полного словаря диалектной языковой личности» зафиксировано 230 высказываний против 32 соответственно). Топоним «Томск» актуализуется в речи, как правило, в ситуации противопоставления другим городам: *«А вы, – говорю, – из городу Томска или с Пятого почтового?»*. Вершинино также часто называется просто *деревней* (иногда с уточнением «наша», «у нас»«): *У нас сорок четыре человека погибло. С сельсовéту, наверно, с деревни да с Лáриной, с нашей деревни; И она переехала суды́ в деревню, рабóтат на почте кассиром; А потом у нас деревня-то тридцать первого мая сгорела; И котóры наши пели ходили по деревне* и др.

Редко используется топоним и для обозначения центральной улицы своего села Советской. В силу высокой общности информационных баз говорящего и слушающего[1] указания на имена жителей и отдельные объекты компенсируют его отсутствие: *Пришли к ей по деньги эти, ворьё-то тут жили, рядом-то, с Мотей, не доходя Моти, ко мне суды́ поближе; А Николай Васильич пóмер, это Валя Николай Васильича [живёт], железный дом, крыша-то; А потом им квартиру-то выстроили, той бабе, сельсовет-то, она*

[1] См.: *Гольдин В.Е.* Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М., 2002. С. 60.

*это Будо́линой, напро́ти школы… зн**а**шь ты, рядом с Волошиными <…>. Рядом с Волошиным, по ту сторону Волошиных.* Отмечена и замена топонима «улица Победы» нарицательным словосочетанием *та улица*: *У одной у нас тут-ка, у ей дочь есь, – Варвара Попова, ты её знашь, наверно, на той улице живёт.*

г) Топонимия освоенного пространства подвергается метаязыковой рефлексии. Прежде всего это касается местных микротопонимов, исконных для вершининцев, а также отдельных названий Томска и Северска. Носитель говора воспроизводит в метатекстах архаические онимы, вышедшие из живого употребления (*Т**а** называлась Садо́ва улица. Садо́ва. А наша [часть села] Горёвка. <…> А в том краю Тата́ры, а тут – На горке. Де Кузя-то жили, дак… «На горке» так звали, «На горке»; А называли «Банный переулок» его. Бели́нска так [улица в Томске], тут «Банный переулок» звали*), соотносит неизвестное собеседнику-диалектологу название с привязкой к определенной территории *([А Ела́нь – в сторону Ярско́го?] Не-ет, туды́ в лес. В лес, через лес. Туды́ вот поедешь туды́… ну вот, как счас… где сказать-то? Не доезжала до последней остановки там? И т**а**к туды́ дорога пойдёт в лес, через лес: пе́рва пойдёт сосновый лес, а там дальше березник пойдёт, и там Ела́нь называ́тся. И там на́ гору так, и там степь така́, больша́. Ну, там и лога тоже есь, и всё есь, и бере́зник есь, вся́ки. Ела́нь*), выделяет мотивировочный признак наименования (*Татарский ко́лок – лес, татары приехали давно, годо́в триста уж и жили; Торкма́ – там рядом с Торкмо́й, дак Торкми́шно болото и называют; Ну у нас вот называется: Клю́квенно болото. Клюква там родится: Клю́квенно болото называют*), сопоставляет старое и новое наименование (*А там на улице, там Садо́ва улица была, звали. Победа счас зовут; Потому что она не прописана в городе, на Пятом-то, в Се́верским теперь зовут. Она же в Томске прописана*).

Топонимы из зоны неосвоенного пространства в метатекстах не отмечены.

На основании выделенных признаков к области освоенного пространства исследуемой языковой личности можно отнести родное село с его окрестностями и областной центр. Неосвоенная область пространства – это в первую очередь территория за пределами среднеобского региона, охватывающая бо'льшую часть России, страны ближнего и дальнего зарубежья. Топонимы этой зоны воспринимаются диалектоносителем как абстрактные знаки, за кото-

рыми языковая личность не видит реального образа объекта. Пространственная характеристика неосвоенной территории не сопровождается наименованиями отдельных участков населенных пунктов, их улиц и переулков, отсутствует и конкретизация описания через относящиеся к ней топонимы или топообъекты: *Один сын в Красноя́рским живёт, все гра́мотны; У меня пять братове́й двоюродных погибло. <…> Два брата в Москве жили, один в Примо́рским крае, а тут в Ярско́м. Яков Лексе́ич, тоже брат; Де-то за Новосибирском ли где ли, мать у его; В Сочи ездила она. Третий раз в Сочи ездила; А тут они уехали с Игорем туды́, на Укра́йну-то; В Черно́пыле был. От недавно по́мер.*

Территория Томской и Кемеровской областей занимает промежуточное положение между зоной освоенного и неосвоенного пространства исследуемой языковой личности. Данный регион отличается самой высокой концентрацией топонимов на индивидуальной карте диалектоносителя; названия входящих в него сел и городов составляют почти половину в общей системе географических наименований идиолексикона. Вместе с тем упоминание этих объектов в дискурсе говорящего не сопровождается детализацией. Несмотря на то, что В.П. Вершинина неоднократно бывала и в ряде деревень среднеобского бассейна, и в закрытом городе-спутнике Томска Северске, в речи информанта не зафиксированы (за редкими исключениями) названия относящихся к ним участков местности, улиц, при описании отсутствуют зримые, конкретные детали, не отмечены случаи метаязыковой рефлексии, – все эти признаки характерны для области неосвоенного пространства: *Тут побли́жности ездит [проводница], в Белый Яр да в Андижан; Она взяла да в А́синой да купила дом!; А он работал шшэтоводом, в колхозе. А это… он в Курле́к убежал, от своей Палаге́и-то; Участок они взяли, де-то под Семилужками там, пятнадцать соток; Ходили раньше по́ миру. О-ой, из Бату́риной приезжали, ходили по́ миру здесь; Ехали через Луча́нову. Там они… в Ло́скутовой где ли у их мичу́ринскый-то; И Нину Васильевну завозили, она на Пя́то почтовом живёт тоже, одна; У меня родня в Яру́ были.*

Анализ топонимии русского старожила Сибири позволяет сделать следующие выводы об особенностях освоении им пространства, отраженных в языковой системе.

1. На протяжении жизни индивида пространственные представления обогащаются параллельно с усвоением топонимической сис-

темы узуса в процессе социализации языковой личности. При этом знания, полученные непосредственно из личного опыта, дополняются через присвоение опыта других членов социума, сведения средств массовой информации и прецедентных текстов. Большинство топонимов усваивается на пересечении различных информационных каналов, отражая как общественно-политические коллизии эпохи, так и условия жизни, интересы и чувства индивида.

2. «Географическая карта», отражающая представления носителя сибирского старожильческого говора о пространственном членении мира, включает различные виды топонимических номинаций – макро- и микротопонимы, названия стран, морей, городов, рек, сел, возвышенностей, болот, озёр, островов, покосов, частей населенных пунктов, улиц, переулков и др. Закономерна для диалектоносителя фрагментарность этой карты (чем дальше от места проживания информанта расположен регион, тем больше в нем топонимических лакун), преобладание названий деревень над всем остальными классами топонимов, широкое использование неофициальных наименований, употребление диалектных вариантов общерусских топонимических единиц.

3. Особенности мировосприятия языковой личности во многом определяются членением пространства на освоенное и неосвоенное.

4. Восприятие носителем традиционной народной культуры освоенной области пространства является, с одной стороны, весьма обобщенным, с другой – чувственно-конкретным. Преобладает архаическая модель территориального членения: как вне поселений, так и в населенных пунктах территория делится на отдельные участки, современные названия улиц привлекаются лишь как дополнительное средство координирования на местности. Типичная для диалектоносителя слабая пространственная расчлененность сочетается с наглядным представлением знакомых языковой личности объектов через их зримое, детальное описание. При этом роль географических ориентиров нередко берут на себя антропонимы и нарицательные имена.